0 2 0 5

1965 г.

3

1



ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

ДИАФИЛЬМ

по рассказу В. Г. Короленко

„В ДУРНОМ ОБЩЕСТВЕ"

Художник Ю. Теребилов

Редактор Л. Книжникова
Художественный редактор А. Морозов

Рассказ „В дурном обществе“ В. Г. Короленко написал в 1885 г., сразу же после возвращения из якутской ссылки, куда он был выслан царским правительством за революционную деятельность.

Ещё в детстве писателю довелось близко наблюдать тяжёлую жизнь бедняков. Он видел, как обездоленные люди царской России жили в нищете, голодали, часто не имели крова. С большим мастерством в рассказе „В дурном обществе“ писатель передаёт тяжёлые переживания своих героев.





Я рос, как дикое деревцо в поле. Моя мать умерла. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто забыл о моём существовании. Никто не окружал меня заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы.



Я любил бродяжить и всматриваться в жизнь. Мне были известны все закоулки нашего небольшого города. Не раз переплывал я на остров, где сохранились развалины старого замка.



Привлекала меня ещё полуразрушенная часовня на горе. Она стояла на заброшенном кладбище. Но идти одному туда было страшно.



Однажды я уговорил трёх сорванцов пойти со мной к часовне. Дверь часовни была крепко заколочена, окна – высоко над землёй. Я храбро взобрался на спину товарища и заглянул в окно.



Лучи вечернего солнца разрисовывали ярким золотом старые, ободранные стены. На полу еле виднелись какие-то предметы странных очертаний.



Действуя по первому побуждению, я крепко связал два ремня, задел их за раму и, отдав один конец товарищу, спустился в часовню.



Мне было жутко. Вдруг послышался стук и шум обвалившейся штукатурки. Что-то завозилось вверху, и из тёмного угла вылетела огромная сова. Меня охватил безудержный страх.



Неожиданно предмет, который сверху казался нам не то шапкой, не то ведром, мелькнул в воздухе и у меня на глазах исчез под престолом. Товарищи мои убежали.



Я был один... Но вот из-под престола вынырнула фигура худощавого мальчика лет девяти. Сзади него показалось личико, обрамлённое белокурыми волосами.



– „Ты здесь зачем?" – спросил мальчишка, оглядев меня с ног до головы. – „Так, – ответил я. – Тебе какое дело?" – „Я вот тебе покажу!" – погрозил он. – „Ну, ударь... попробуй!.." – Я ждал.



В это время к мальчишке подошла девочка и крепко прижалась к нему. В таком положении он не мог драться. А я, конечно, был слишком великодушен, чтобы воспользоваться его неудобным положением.



–„Как твоё имя?“ – спросил мальчик. – „Вася. А ты кто такой?“ – „Я Валек... Я тебя знаю. Ты сын пана судьи“. – Так состоялось наше знакомство.



Последние лучи солнца скрывались уже сквозь окна часовни. – „Послушай, – вдруг спохватился Валек. – Тебе лучше уйти". – Я согласился. – „Как же мне отсюда выйти?" – „Я тебе укажу дорогу".



Валек и Маруся пошли меня провожать. – „Ты придёшь к нам опять?“ – спросила девочка. – „Приду, – ответил я, – непременно“. – „Никому не болтай о том, что был у нас“, – сказал Валек. – „Никому не скажу“, – ответил я твёрдо.



18

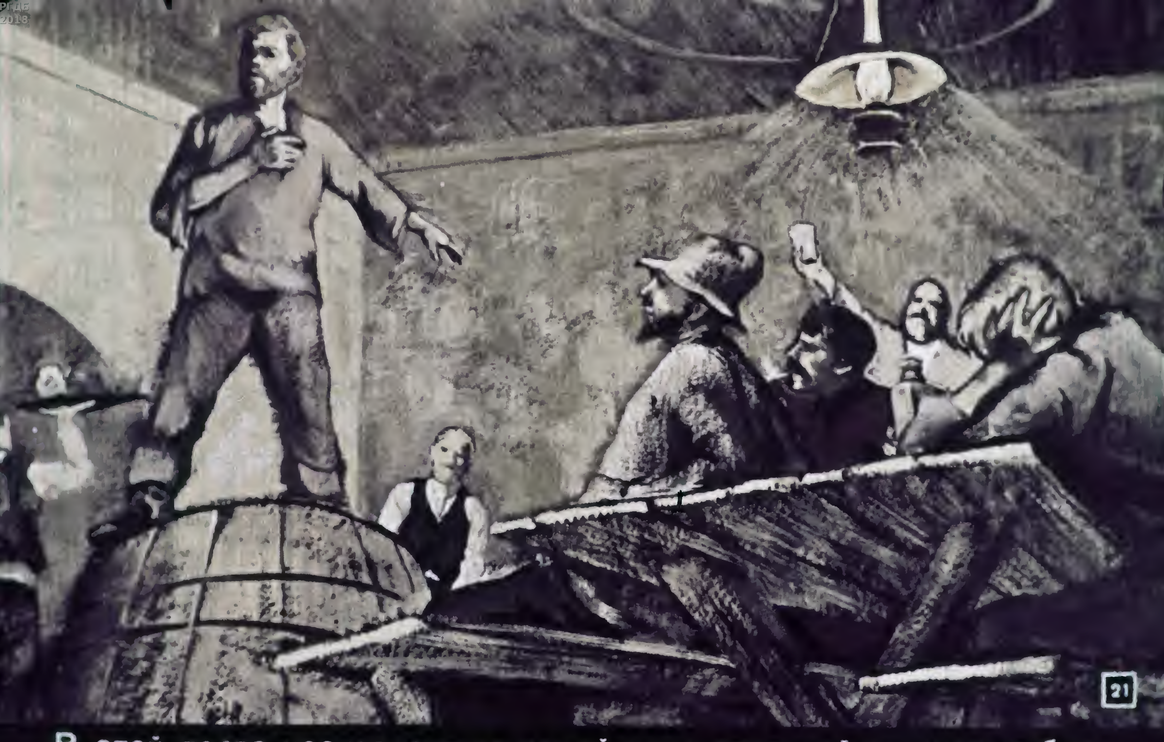
Густые сумерки залегли над городом, когда я приблизился к забору своего сада. На небе зарисовался тонкий серп луны, загорались звёзды.



Через четверть часа я спал уже глубоким сном, во сне мне виделись Валек и Маруся.



А в это время к старой часовне шли обитатели её подземелья. Кто они были, никто не знал, но в городе к ним относились враждебно и называли членами „дурного общества".



В этой толпе несчастливцев самой замечательной личностью был пан Тыбурций. В базарные дни в кабаке он рассказывал о подвигах Цезаря и декламировал латинские стихи, поражая всех своей учёностью.



Никто не знал, был ли пан Тыбурций отцом Валека и Маруси. Всего один-два раза видели его с детьми в городе, а потом дети куда-то исчезли. Поговаривали, что он поселился с ними в каких-то подземельях у старой часовни.



Я весь был поглощён моим новым знакомством. И когда Тыбурций и тёмные личности из его компании шныряли по базару, я бегом отправлялся на гору, к часовне.

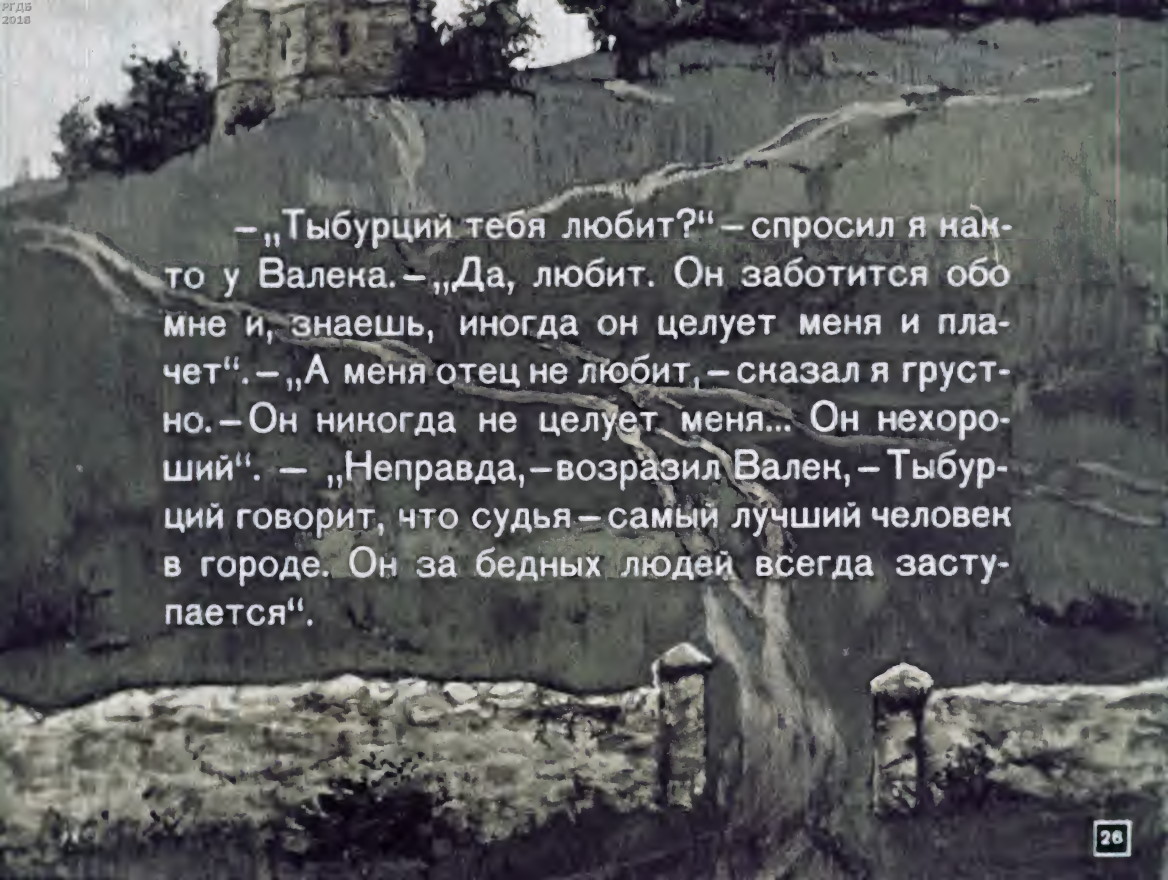


Валек и Маруся встречали меня. Я приносил им яблоки и лакомства. Маруся всякий раз всплёскивала ручонками, и глаза её загорались огоньком восторга.

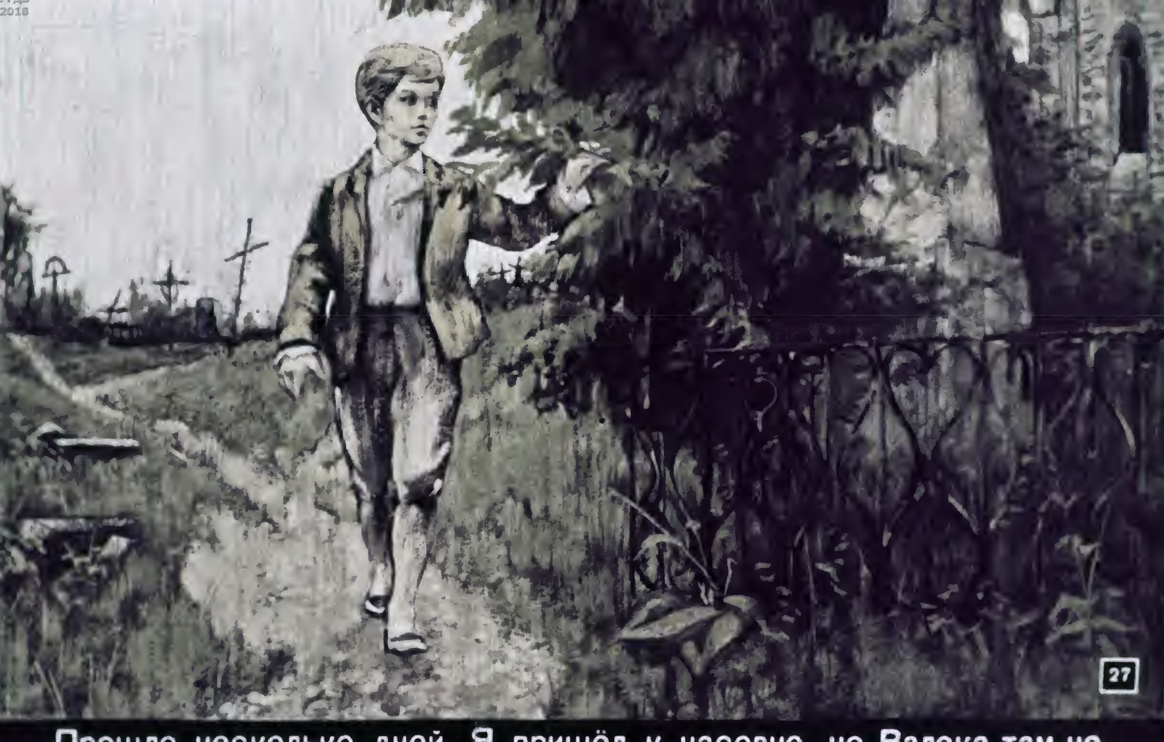


25

Усадив девочку где-нибудь на траве, мы с Валеком собирали для неё цветы, рассказывали ей сказки или беседовали друг с другом. Эти беседы с каждым днём всё больше закрепляли нашу дружбу.



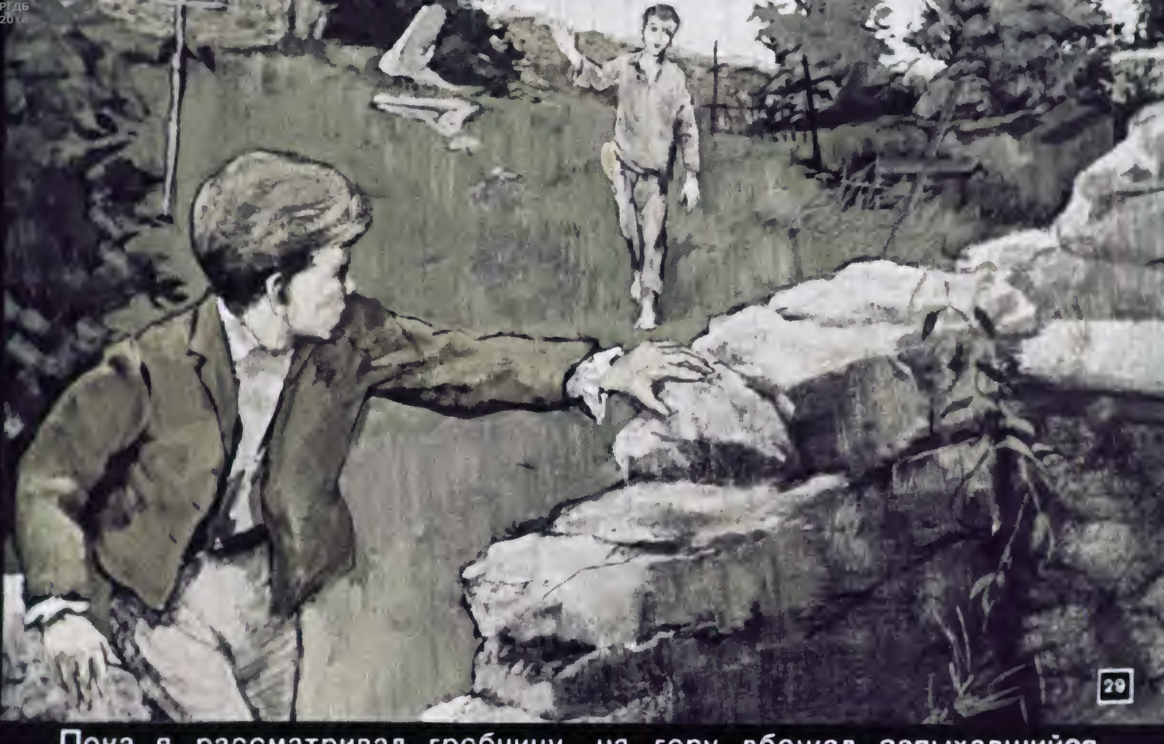
– „Тыбурций тебя любит?" – спросил я както у Валека. – „Да, любит. Он заботится обо мне и, знаешь, иногда он целует меня и плачет". – „А меня отец не любит, – сказал я грустно. – Он никогда не целует меня... Он нехороший". – „Неправда, – возразил Валек, – Тыбурций говорит, что судья – самый лучший человек в городе. Он за бедных людей всегда заступается".



Прошло несколько дней. Я пришёл к часовне, но Валека там не оказалось. Ожидая его, я стал ходить по кладбищу. Оно было пустынное и тихое. Только густые кусты черёмухи, жимолости и сирени о чём-то шептались листвой.



Неожиданно я наткнулся на полуразрушенный просторный склеп и из любопытства заглянул внутрь. В середине пола зияла тёмная пустота подземелья.



Пока я рассматривал гробницу, на гору вбежал запыхавшийся Валек. – „Ага! – крикнул он. – Ты вот где... Если бы Тыбурций тебя здесь увидел, то-то бы рассердился! Ну, да теперь уже делать нечего... Пойдём к нам!“



Раздвинув кусты жимолости около часовни, он спустился в большое отверстие с земляными ступеньками, ведущими вниз. Я последовал за ним.



Валек взял меня за руку и повёл по узкому, сырому коридору. Круто повернув вправо, мы вдруг вошли в просторное подземелье.



В глубине его сидела Маруся. – „Валек!“ – тихо обрадовалась девочка, увидев брата. Я переминался и ёжился, чувствуя себя как будто связанным под гнетущими взглядами серого камня. – „Уйдём отсюда, – дёрнул я Валека. – Уведи её...“



Мы поднялись из подземелья. – „Ты был в городе, чтобы купить булок?" – спросил я. – „Купить? – грустно усмехнулся Валек. – Откуда же у меня деньги? Нет, брат, я их стянул...



Наши все ушли. Маруся плакала, потому что она была голодна".–
„Да, голодна!"–с жалобным простодушием повторила девочка.



Я не знал, что такое голод, но при словах девочки у меня что-то повернулось в груди. Я не мог в этот день играть с моими друзьями по-прежнему безмятежно. Дома я рано лёг в постель и, уткнувшись в подушку, долго плакал.



На следующий день я опять пришёл к своим друзьям. Ливень заставил нас спуститься в подземелье. Мы играли в жмурки, и я делал вид, что не могу поймать Марусю.



Вдруг я наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Это был Тыбурций.



– „Это что ещё, а? Я вот повешу тебя над огоньком и зажарю, как поросёнка". – „Не бойся, Вася, не бойся! – ободрила меня Маруся. – Он никогда не жарит мальчиков на огне".

Тыбурций поставил меня на ноги: „Как ты попал сюда? Давно?“ – „Дней шесть“. – „Ого, шесть дней – много времени! И ты никому ещё не разболтал, куда ходишь?“ – „Никому“. – „Смотри, если проболтаешься своему судье... Может, и ты когда-нибудь судить будешь... Если придётся тебе судить вот его, вспомни, что, когда вы ещё оба были дураками и играли вместе, – уже тогда ты шёл дорогой, по которой ходят в штанах и с хорошим запасом провизии, а он бежал по своей оборванцем и с пустым брюхом“. – „Я не буду судить Валека... Не скажу никому... Можно мне опять прийти?“ – спросил я. – „Приходи, разрешаю“.



Близилась осень. Наша Маруся начала прихварывать. Она ни на что не жаловалась, только все худела, бледнела. Серый камень подземелья высасывал из неё жизнь.



Мы с Валеком истощали все усилия, чтобы развлечь её, вызвать тихие переливы её слабого смеха. Но Марусе становилось всё хуже. Она уже не вставала с постели.



Я стал носить в подземелье свои игрушки, но и они развлекали девочку только на короткое время. Тогда я выпросил у своей сестры Сони на время её большую куклу.



Кукла сделала почти чудо. Маруся, казалось, опять ожила. Она так крепко меня обнимала, так звонко смеялась.



Девочка стала ходить, водя за собой свою дочку.



Отец ещё не знал о пропаже куклы, но почему-то запретил мне уходить из дому. И только спустя четыре дня я встал рано и махнул через забор, пока отец ещё спал.



На горе дела были плохи. Маруся опять слегла, и ей стало ещё хуже; лицо её горело странным румянцем; она никого не узнавала. Рядом с ней была кукла.



Куклу необходимо было унести обратно: няня сестры заметила пропажу. Но как только я взял её, девочка тихо и жалобно заплакала. На лице её отразилось такое горе, что я тотчас же положил куклу на прежнее место.



Дома я застал Соню с заплаканными глазами, а нянька кинула на меня сердитый, подавляющий взгляд.



Прошло четыре дня. Меня никуда не выпускали. Наконец я был вызван к отцу. – „Ты взял у сестры куклу?" – „Да". – „Ты украл её?" – „Нет". – „Как нет? Кому ты снёс её? Говори!" – „Н-не скажу!" – ответил я тихо.



Я знал, что отец вспыльчив. В эту минуту он мог совершить бешеное насилие. Вдруг за открытым окном раздался голос Тыбурция: „Эге-ге!.. Мой бедный маленький друг...“



Тыбурций вошёл в дом. – „Пан судья! Вы человек справедливый... отпустите ребёнка. Я расскажу вам всё, что вы желаете знать. Вот твоя кукла, малый!..“



Они вышли из комнаты. Спустя некоторое время дверь кабинета снова открылась, и я почувствовал на своей голове чью-то ласковую руку. То была рука отца.



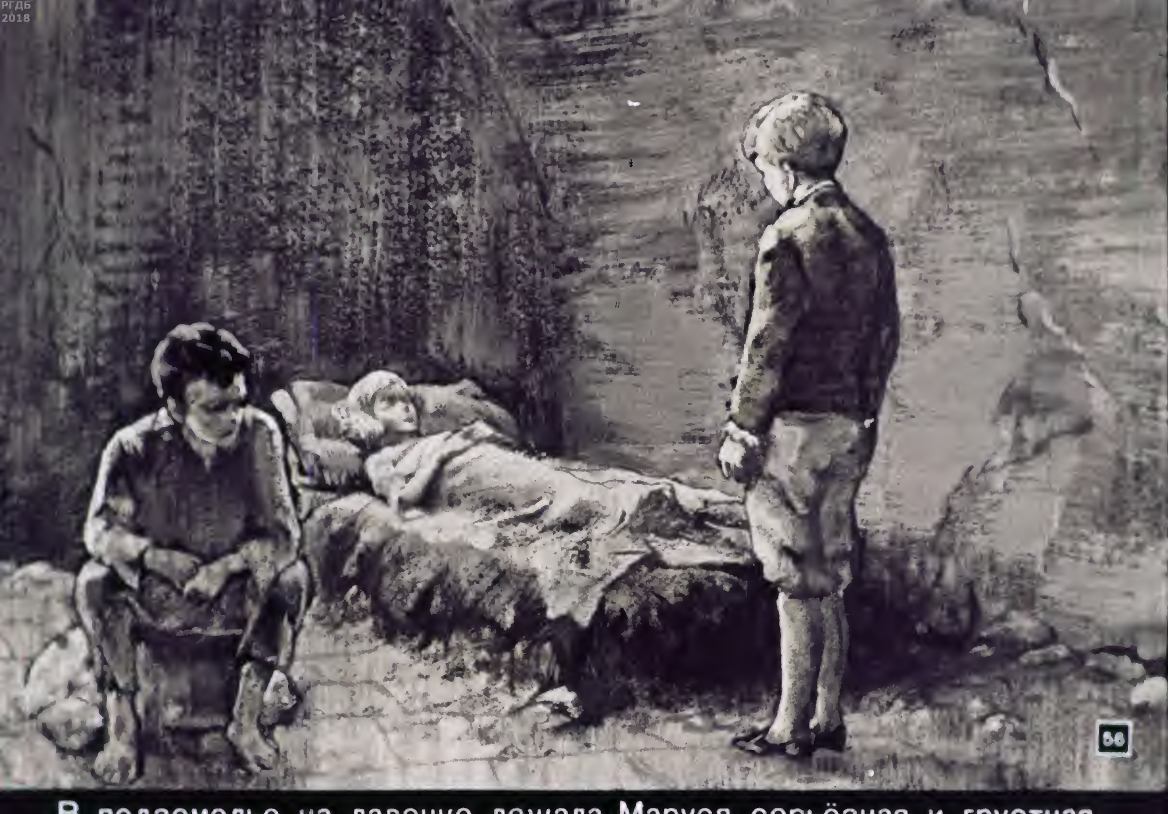
– Приходи к нам, – сказал Тыбурций, – отец тебя отпустит попрощаться с моей девочкой. Она... она умерла. – Голос Тыбурция дрогнул, он повернулся и быстро ушёл из комнаты.



Я доверчиво взял руку отца. – „Я ведь не украл... Соня сама дала мне на время...“ – „Я виноват перед тобой, мальчик, – задумчиво сказал он. – И ты постараешься забыть это?“



– „Ты отпустишь меня теперь на гору?“ – „Да, ступай. Попрощайся и передай это Тыбурцию. Скажи, что я покорнейше прошу его – понимаешь? Покорнейше прошу – взять эти деньги“.



В подземелье на лавочке лежала Маруся, серьёзная и грустная, с печально вытянутым личиком. Горькие слёзы сдавили мне горло.

Вскоре после описанных событий члены „дурного общества“ рассеялись в разные стороны.

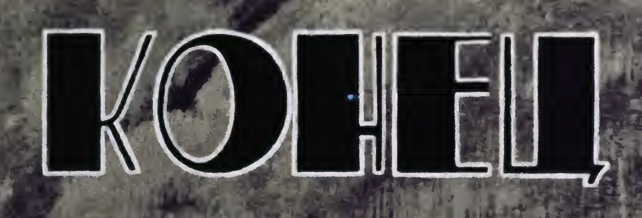
Совершенно неожиданно исчезли Тыбурций и Валек. Никто не знал, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в наш город.



Старая часовня сильно пострадала от времени. Только одна могила каждую весну зеленела свежим дёрном, пестрела цветами. Мы с Соней, а иногда даже с отцом, посещали эту могилу.



Когда же пришло время нам оставить родной город, мы оба, полные жизни и надежды, произносили над маленькою могилкой свои обеты.



Д-44-64

Студия „Диафильм", 1964 г.

Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Черно-белый 0-20. Цветной 0-30